Н
21
Вес

ТЕМЫ ЖИЗНИ

№ 5. | ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ. Вып. II.

Б. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

КРЕСТЬЯНСКІЕ БУНТЫ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., 54

Отъ книгоиздательства

О. Н. Поповой.

„Темы Жизни“ выходятъ подъ общей редакціей Л. Клейнборта.

Изданію будетъ дана самая широкая постановка. Въ него войдутъ листки, брошюры, сборники и пр. Преимущественное вниманіе обращено на оригинальныя произведенія.

Въ ближайшую очередь намѣчены къ выпуску произведенія слѣдующихъ лицъ:

Г. Алексинскаго, В. П. Акимова, Н. П. Ашешова, В. Базарова, В. В. Беренштама, П. Берлина, М. В. Бернацкаго, Б. Б. Веселовскаго, Б. А. Витмера, Г. А. Гросмана, І. Гольденберга, А. Е. Ельницкаго, І. А. Давыдова, П. И. Звѣздича, Б. Кричевскаго, Н. И. Коробка, Ю. Каменева, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарскаго, А. Е. Лосицкаго, І. Э. Ларскаго, В. Львова, Л. Клейнборта, П. П. Маслова, П. Нежданова, М. П. Невѣдомскаго, В. Ольховскаго, П. П. Румянцева, В. Ѳ. Тотоміанца, А. Ю. Финна, А. А. Яблоновскаго и мн. др.

Гг. авторовъ просятъ присылать свои рукописи по слѣд. адресу: Книгоиздательство О. Н. Поповой, Спб., Невскій, 54. Редакція ежен. изд. „Темы Жизни“.

Редакторъ принимаетъ по средамъ отъ 1 часу до 3 час.

БИБЛИОТЕКА
ПОДПАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
2341
24

Крестьянскіе бунты.

I.

Тяжело жилось крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ. Помѣщики могли отдавать ихъ въ рекруты, продавать въ розницу и безъ земли. Иногда крѣпостныхъ выводили цѣлыми толпами на рынокъ. Помѣщикамъ было разрѣшено даже ссылать своихъ крестьянъ на каторжныя работы, безъ всякаго суда; наказывать крестьянъ они могли сколько угодно. Суда для помѣщиковъ не было; чтобы они ни дѣлали, крестьяне не имѣли даже права жаловаться начальству. За подачу жалобы на помѣщика самъ жалобщикъ и тотъ, кто писалъ ему жалобу, наказывались кнутомъ и ссылались въ вѣчную каторгу. При Николаѣ I ссылка на каторгу за жалобы была отмѣнена, но все-таки жалобщиковъ продолжали строго наказывать и бить.

Такимъ образомъ крестьянамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ самимъ заботиться объ избавленіи отъ помѣщичьихъ притѣсненій. Многіе изъ нихъ при этомъ уходили въ вольныя степи, на Донъ и на Волгу, гдѣ становились разбойниками или приставали къ казачеству. Убѣгая отъ помѣщиковъ, крестьяне нерѣдко жгли ихъ усадьбы и убивали ихъ самихъ. Иногда борьба разгоралась сильнѣе, и крестьяне цѣлыхъ деревень начинали открыто бунтовать. Для усмиренія этихъ бунтовъ начальство присылало солдатъ, которые оружіемъ водворяли на нѣкоторое время тишину и спокойствіе.

Послѣ такихъ усмиреній помѣщики, чувствуя за собой силу, еще сильнѣе начинали угнетать своихъ крѣпостныхъ, а крестьянамъ въ отвѣтъ на это приходилось опять убивать помѣщиковъ и жечь ихъ усадьбы.

Не всегда, однако, и войскамъ удавалось легко подавлять крестьянскіе бунты. Иногда эти бунты сильно разростались и охватывали многія губерніи. Особенно большіе бунты были въ

1670 году и въ 1773—1774 годахъ. Объ нихъ до сихъ поръ еще живетъ въ народѣ память.

Въ 1670 году донскіе казаки и бѣглые крестьяне, собравшіеся на Дону, задумали поднять все русское крестьянство на помѣщиковъ и двинулись подъ предводительствомъ Степана Разина на Москву. Такъ какъ крестьянамъ повсюду жилось плохо отъ помѣщиковъ, то возстаніе быстро охватило многія губерніи [1]). Сотни помѣщиковъ и чиновниковъ были тогда уничтожены народомъ; но, въ концѣ концовъ, царское войско разбило вольную казацкую и крестьянскую армію. Множество возставшихъ крестьянъ было засѣчено до смерти и перевѣшено; казнили также и Степана Разина.

Еще грознѣе было возстаніе крестьянъ въ 1773—1774 годахъ подъ предводительствомъ казака Емельяна Пугачева. Быстро, какъ пожаръ, этотъ бунтъ распространился по всему Заволжью, въ уральскихъ и киргизскихъ степяхъ, на уральскихъ горныхъ заводахъ, за рѣкой Камой и въ губерніяхъ: Уфимской, Казанской, Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Саратовской.

Назвавшись царемъ Петромъ Третьимъ, Пугачевъ призывалъ народъ свергнуть крѣпостное право и расправиться съ своими притѣснителями—помѣщиками. Въ одномъ изъ своихъ манифестовъ онъ писалъ такъ: «жалуемъ симъ именнымъ указомъ всѣхъ крестьянъ, находившихся до сихъ поръ въ подданствѣ у помѣщиковъ, быть вѣрноподданными нашей собственной коронѣ и награждаемъ древнимъ крестомъ и бородами, *вольностью и свободой*, вѣчно казаками [2]), не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей; *награждаемъ владѣніемъ землями*, лѣсными, сѣнокосными угодьями и рыбными ловлями, *безъ податей и безъ оброку*, и освобождаемъ отъ всѣхъ чинимыхъ прежде отъ злодѣевъ—дворянъ и судей—мздоимцевъ податей и отягощеній».

Обѣщаніе вольности и земли собрало подъ знамена Пугачева многія тысячи изстрадавшагося при крѣпостномъ правѣ крестьянскаго люда. Сильно обезпокоилось тогда начальство и послало противъ возставшихъ крестьянъ много войска.

---

[1]) Въ особенности губерніи: Саратовскую, Самарскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую.

[2]) Казаки не знали крѣпостного права, не давали они также рекрутовъ въ царское войско. Это вотъ и обѣщалъ Пугачевъ крестьянамъ, говоря, что они будутъ вѣчно казаками.

Почти два года оно не могло, однако, одолѣть армію Пугачева. Не разъ онъ самъ разбивалъ большіе отряды солдатъ и захватывалъ въ свои руки города (Астрахань, Царицынъ и другіе). Не мало при этомъ погибло дворянъ отъ рукъ возставшаго народа. Когда царское войско подавило наконецъ возстаніе, то много крестіянъ, въ томъ числѣ и самъ Пугачевъ, были казнены лютой казнью. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ не могли доискаться виновныхъ въ убійствѣ дворянъ, было приказано вѣшать по жребію третьяго, а остальныхъ бить плетями.

Сила заставила крестьянъ на время смириться, но не сдѣлала ихъ довольными своимъ подневольнымъ положеніемъ. Вскорѣ послѣ пугачевскаго бунта крестьянскія волненія всюду возобновились, не давая по прежнему покоя помѣщикамъ и начальству. Особенно участились крестьянскія волненія въ царствованіе Николая I (1825—1855 г.г.). Боязнь, какъ бы не повторился такой же бунтъ, какъ пугачевскій, заставила тогда правительство поспѣшить съ отмѣной крѣпостного права.

Послѣ бунта Степана Разина начало каждаго царствованія ознаменовывалось крестьянскими волненіями: крестьяне все надѣялись, что вотъ новый царь объявитъ имъ волю, и отказывались повиноваться господамъ. Точно также вспыхнули крестьянскіе бунты при вступленіи на престолъ Николая I. Для усмиренія крестьянъ царь послалъ воинскія команды и издалъ 12 мая 1826 года манифестъ, которымъ предписывалъ крѣпостнымъ «безпрекословно повиноваться установленнымъ надъ ними властямъ», т. е. помѣщикамъ и чиновникамъ.

Это не прекратило, однако, крестьянскихъ волненій. Тогда Николай I велѣлъ предавать военному суду упорствующихъ крестьянъ; но и это не могло заставить крѣпостныхъ перестать бороться за желанную для нихъ волю.

Чтобы дать понятіе о томъ, что за бунты были въ то время, я приведу нѣсколько случаевъ.

Въ 1834 году, напримѣръ, крестьяне помѣщиковъ Депрейса и Наумова въ Вятской губерніи отказались работать на барщинѣ. Тогда начальство прислало солдатъ, которые жестоко наказали 5 зачинщиковъ, а всѣхъ остальныхъ высѣкли розгами. Въ 1840 году крестьяне графа Борха въ Витебской губерніи не пожелали оставаться крѣпостными и отказались повиноваться помѣщику. Вооружившись кольями и вилами, они оказали сопротивленіе солдатамъ, пришедшимъ ихъ усмирять. При этомъ было убито 21 и ранено 24 крестьянина.

Кромѣ того, 11 человѣкъ были сосланы въ Сибирь на поселеніе.

Вообще военную силу правительство посылало всегда, когда крестьяне оказывали малѣйшее неповиновеніе своимъ угнетателямъ—помѣщикамъ. Всего въ царствованіе Николая I было 556 крупныхъ волненій крестьянъ противъ помѣщиковъ. Болѣе всего волненій было, конечно, тамъ, гдѣ крестьянамъ жилось хуже, это въ слѣдующихъ губерніяхъ: въ Костромской, Московской, Тверской, Смоленской, Кіевской, Тамбовской, Черниговской, Саратовской и Воронежской.

Кромѣ такихъ волненій, когда цѣлыя деревни отказывались повиноваться помѣщику, было не мало случаевъ, когда какой нибудь крестьянинъ или нѣсколько, не желая сносить рабства, переставали подчиняться помѣщичьему произволу. Съ ними помѣщики совсѣмъ уже не стѣснялись и, пользуясь своимъ правомъ безъ суда ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь, отправляли въ ссылку. Такихъ непокорныхъ было сослано по волѣ помѣщиковъ въ Сибирь съ 1827 по 1846 годъ 6.886 человѣкъ. Стоитъ ли послѣ этого удивляться, что и крестьяне порой жестоко расправлялись съ своими господами: они поджигали ихъ усадьбы, многихъ помѣщиковъ и управляющихъ убивали а еще больше—сѣкли розгами. Одинъ помѣщикъ, Ю. Самаринъ писалъ тогда, что «по частнымъ, но достовѣрныхъ свѣдѣніямъ, въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ губерніяхъ крестьяне стали довольно часто подвергать своихъ помѣщиковъ тѣлеснымъ наказаніямъ, чего прежде не бывало». Напримѣръ, въ 1841 году въ Московской губерніи крестьяне высѣкли помѣщика Смирнова, потребовавъ у него подъ клятвой отпуска на волю. Въ 1840 году крѣпостные новгородскаго помѣщика Головина, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями, высѣкли его розгами. Въ 1843 году крестьяне высѣкли помѣщика Шлихтинга, заставивъ его дать подписку объ отпускѣ ихъ всѣхъ на волю. Въ 1850 году крѣпостными былъ высѣченъ одинъ высшій придворный чиновникъ; когда царь узналъ объ этомъ, онъ уволилъ его со службы; такимъ образомъ, пока этотъ помѣщикъ самъ сѣкъ народъ, его терпѣли на службѣ и плохого въ томъ ничего не видѣли. Но какъ только его высѣкли крестьяне, онъ былъ уволенъ, какъ опозоренный человѣкъ.

Приведенные здѣсь примѣры вовсе не составляли въ то время исключенія, какъ я уже сказалъ. Но крестьяне не только сѣкли помѣщиковъ за дурное обращеніе. При Николаѣ I были

нерѣдки также случаи убійствъ. За 1835—1854 года, напримѣръ, было убито 144 помѣщика и 29 управляющихъ.

Такимъ образомъ, для помѣщиковъ становилось все опаснѣе и опаснѣе владѣть крѣпостными крестьянами. Многіе изъ нихъ, а также само правительство, начали поэтому серьезно подумывать объ отмѣнѣ крѣпостного права. При Николаѣ I постоянно засѣдали тайныя комиссіи, въ которыхъ чиновники обсуждали этотъ вопросъ. Но правительство всячески заботилось, чтобы слухи о его намѣреніи дать волю не дошли до поры до времени до народа, потому что отмѣна крѣпостного права замышлялась вовсе не въ интересахъ крестьянъ, а въ интересахъ помѣщиковъ.

Мы сказали, что для помѣщиковъ становилось *опасно* владѣть крѣпостными; но кромѣ того, многимъ изъ нихъ крѣпостное право было уже *невыгодно*.

Въ старину, когда земли было много, ею мало дорожили. Земля, ненаселенная крѣпостными людьми, не стоила почти ничего; вся цѣнность заключалась въ крѣпостныхъ людяхъ: тотъ помѣщикъ, у котораго было больше душъ крѣпостныхъ, тотъ и считался богаче. По мѣрѣ того, какъ населеніе увеличивалось, земли стало не хватать для всѣхъ; поэтому цѣны на нее передъ освобожденіемъ крестьянъ,—особенно въ плодородныхъ черноземныхъ губерніяхъ,—сильно возросли. Земля сама по себѣ стала къ этому времени уже такъ дорога, что помѣщикамъ было выгодно спихнуть крестьянъ съ нее, какъ прежде когда-то имъ было выгодно прикрѣпить крестьянъ къ этой землѣ, сдѣлавъ ихъ своими крѣпостными.

Спихивая крестьянъ съ земли и забирая ее цѣликомъ въ свои руки, помѣщики могли быть уже увѣрены, что крестьяне (за исключеніемъ немногихъ) не уйдутъ въ другія мѣста, а останутся работать на своего прежняго владѣльца, такъ какъ почти всѣ удобныя земли ко времени отмѣны крѣпостного права были заселены, и свободныхъ, т. е. ничьихъ земель не было.

Для помѣщиковъ было выгодно отпустить крестьянъ на волю еще и по многимъ другимъ причинамъ. Во-первыхъ, съ отмѣной крѣпостного права съ помѣщиковъ снималась обязанность платить за крестьянъ государственныя подати и кормить крестьянъ въ неурожайные годы; во-вторыхъ, свободный работникъ, т. е. работающій по нуждѣ, всегда больше сработаетъ, чѣмъ крѣпостной, за которымъ нужно постоянно смотрѣть и подгонять. Въ-третьихъ, наконецъ, помѣщики разсчитывали

получить за отпускаемыхъ на волю крестьянъ выкупъ, а это было для нихъ въ то время особенно необходимо. Иначе они не могли расплатиться съ долгами [1]). И вотъ, чтобы освободить землю отъ долговъ, помѣщики изъявили готовность уступить крестьянамъ клочки земли за большой выкупъ. Такъ поступили помѣщики черноземныхъ губерній, гдѣ земля цѣнилась дорого.

Въ нѣсколько иномъ положеніи находились помѣщики нечерноземныхъ губерній, гдѣ земля сама по себѣ цѣнилась не дорого и гдѣ главный доходъ доставляли помѣщикамъ оброки съ крестьянъ, уходившихъ на сторонніе промыслы, преимущественно въ города. Понятно, что такимъ помѣщикамъ не хотѣлось лишиться крѣпостныхъ крестьянъ. Но, глядя на крестьянскіе бунты, и они соглашались отмѣнить крѣпостное право, лишь бы имъ хорошо заплатили не только за землю, которую они уступили бы крестьянамъ, но и за личность освобождаемыхъ крѣпостныхъ.

Помѣщики, какъ мы увидимъ дальше, не обманулись въ своихъ разсчетахъ. Правительство, отмѣняя крѣпостное право, позаботилось, чтобы они не только ничего не прогадали, но еще много выиграли бы.

II.

Мы сказали, что крестьянскія волненія, временно затихшія послѣ подавленія пугачевскаго бунта (1774 г.), вскорѣ опять усилились, наводя страхъ на помѣщиковъ и начальство. Убійства помѣщиковъ и управляющихъ, поджоги усадебъ, наконецъ, бунты цѣлыхъ деревень стали повторяться все чаще и чаще, несмотря на жестокія усмиренія.

Съ началомъ крымской войны (въ 1854 году) волненія усилились еще болѣе, благодаря слухамъ объ отпускѣ на волю всѣхъ, кто добровольно поступитъ въ ополченіе. Желая пріостановить эти волненія, царь объявилъ, что слухи объ освобожденіи невѣрны и что крестьяне по прежнему должны повиноваться помѣщикамъ.

---

[1]) Къ 1 января 1856 года, т. е. за 5 лѣтъ до освобожденія крестьянъ, помѣщиками было заложено въ банкахъ 7 милліоновъ душъ крѣпостныхъ, тогда какъ всего ихъ числилось около 11 милліоновъ. Въ среднемъ за каждую заложенную душу на помѣщикахъ числилось по 68 рублей банковскаго долгу. Уплата процентовъ по этимъ долгамъ была для помѣщиковъ тяжела и наводила ихъ на мысль, что не дурно было бы раздѣлаться съ долгами, хотя бы посредствомъ освобожденія крестьянъ.

Хотя правительство и продолжало, такимъ образомъ, заявлять, что оно не думаетъ отмѣнять крѣпостное право, но для всѣхъ было уже ясно, что крѣпостное право долго не просуществуетъ. «Пора проснуться,—писалъ тогда одинъ изъ борцовъ за народную свободу, А. И. Герценъ,—*скоро* будетъ поздно рѣшать вопросъ освобожденія крѣпостныхъ мирнымъ путемъ; *мужики рѣшатъ его по своему*. Рѣки крови прольются!»

Наконецъ и самъ царь Александръ II, вступившій на престолъ послѣ смерти Николая I, въ своей рѣчи московскимъ дворянамъ открыто сказалъ, что «лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу». Говоря иными словами, для помѣщиковъ выгоднѣе было поспѣшить съ отмѣной крѣпостного права самимъ, не дожидаясь пока народъ возьметъ волю силой.

Со времени окончанія крымской войны (1856 г.) чиновники и помѣщики много разсуждали въ различныхъ комитетахъ о томъ, какъ освободить крѣпостныхъ съ выгодой для помѣщиковъ. Крестьянъ, конечно, никто и не подумалъ спросить объ ихъ нуждахъ и желаніяхъ. Такимъ образомъ, отмѣна крѣпостного права подготовлялась втайнѣ отъ народа. Даже тогда, когда манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ подписанъ царемъ, онъ не сразу былъ объявленъ народу, а только двѣ недѣли спустя. [1]) Правительство все медлило объявлять, такъ какъ предчувствовало, что воля, которую рѣшились дать народу помѣщики и чиновники, придется не по вкусу народу.

О тѣхъ крестьянскихъ бунтахъ, которые возникли всюду послѣ объявленія манифеста и не прекращались нѣсколько лѣтъ, мы скажемъ потомъ, а пока посмотримъ, какую волю дали народу.

По манифесту крестьяне и дворовые люди должны были еще 2 года, т.-е. до 19 февраля 1863 года, по прежнему повиноваться помѣщикамъ, отбывать барщину и платить оброки. Немедленно отмѣнялись только нѣкоторые неважные сборы въ пользу помѣщика (птицей, ягодой и т. д.) и устанавливалось, что женская барщина не должна быть больше

---

[1]) Подписанный 19 февраля 1861 года манифестъ былъ объявленъ только 5 марта.

двухъ дней въ недѣлю; мужики же по прежнему были обязаны являться на помѣщичью работу 3 дня въ недѣлю. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ чиновники, назначенные правительствомъ изъ помѣщиковъ (мировые посредники), должны были ввести такъ называемыя уставныя грамоты, т.-е. написать договоры, въ которыхъ точно перечислялось бы сколько земли помѣщикъ желаетъ отвести крестьянамъ и сколько оброка за эту землю крестьяне должны платить помѣщику каждый годъ. Когда эти договоры были составлены и подписаны помѣщикомъ и крестьянами, крестьяне могли переходить на выкупъ. Это значило вотъ что. Переходя на выкупъ, крестьяне переставали платить *помѣщику оброкъ*, а вмѣсто этого начинали вносить *въ казну выкупныя деньги*; казна же выплачивала помѣщикамъ сразу столько денегъ, сколько, по ихъ заявленіямъ, стоила земля, отведенная ими крестьянамъ.

Вотъ теперь и слѣдуетъ посмотрѣть, много ли крестьяне получили земли и во что она обошлась имъ.

Существовавшіе при крѣпостномъ правѣ надѣлы едва обезпечивали крестьянъ. Когда была объявлена воля, помѣщики сильно уменьшили эти надѣлы и крестьяне стали терпѣть большую нужду въ землѣ. При этомъ крестьяне почти вовсе не получили лѣса; покосовъ получили немного. Многіе остались даже безъ выгоновъ, водопоевъ и т. п. необходимыхъ угодій, которыя цѣликомъ отошли къ помѣщикамъ Благодаря этому освобожденные крестьяне сразу же попали въ кабалу къ помѣщикамъ.

Получивъ мало земли и притомъ худшую, крестьяне должны были платить за эту землю большіе оброки, а затѣмъ выкупать по дорогой цѣнѣ. Всего крестьянамъ было отведено тогда около 31 милліона десятинъ. По тогдашнимъ цѣнамъ вся эта земля стоила 648 милліоновъ рублей, а на самомъ дѣлѣ помѣщики оцѣнили ее въ 867 милліоновъ рублей. Такую сумму казна имъ выплатила, зачисливъ ее долгомъ за крестьянами. Сама казна взыскала съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени уже не 867 милліоновъ выкупныхъ платежей, а свыше 1,600 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ и помѣщики, и казна сильно поживились на счетъ бѣднаго народа.

Мы сказали, что помѣщичьи крестьяне получили при освобожденіи около 31 милліона десятинъ. Всего душъ мужского пола числилось тогда 10.696 000. Такимъ образомъ, на каждую душу пришлось въ среднемъ около 3-хъ десятинъ земли,

но многіе не получили и постольку. Дѣло въ томъ, что законъ устанавливалъ для каждой мѣстности высшіе, низшіе и дарственные или нищенскіе надѣлы. Это значило вотъ что. Въ Новгородской губерніи, напримѣръ, высшій надѣлъ былъ опредѣленъ въ 6 десятинъ, а низшій, какъ и вездѣ, въ три раза меньше, т.-е. въ 2 десятины. Помѣщикъ могъ по своему усмотрѣнію отвести и 2, и 6 десятинъ, гдѣ какъ ему было выгоднѣе. Въ обоихъ этихъ случаяхъ онъ *получалъ выкупъ* за всю отводимую землю. Но онъ могъ также, по соглашенію съ крестьянами, отвести имъ четвертую часть высшаго надѣла (въ Новгородской губерніи, слѣдовательно, $1^1/_2$ десятины) *даромъ*, безъ выкупа. Желаніе развязаться скорѣе съ помѣщиками заставляло многихъ крестьянъ соглашаться на дарственные надѣлы и благодаря этому они оказывались почти безземельными. [1])

Немногимъ лучше было положеніе тѣхъ, которымъ помѣщики отводили низшій надѣлъ: имъ приходилось платить выкупа гораздо больше (съ каждой десятины), чѣмъ платили получившіе высшій надѣлъ. Напримѣръ въ Новгородской губерніи за 2 десятины низшаго надѣла нужно было платить 11 р. 48 коп. въ годъ, тогда какъ за 6 десятинъ высшаго— 12 р. 30 коп.

Въ другихъ губерніяхъ дѣло обстояло не лучше. Тамъ, гдѣ земля была дорога, помѣщики старались спихнуть крестьянъ на дарственные и низшіе надѣлы, чтобы оставить побольше земли за собой; въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ земля не стоила почти ничего, тамъ помѣщики стремились посадить крестьянъ на высшій надѣлъ, чтобы побольше выручить съ нихъ денегъ.

Словомъ сказать, все было обставлено не въ пользу крестьянъ, а къ выгодѣ помѣщиковъ.

Но мало того, что крестьянамъ пришлось платить за полученную землю огромныя выкупныя деньги. Правительство поспѣшило возвысить также подушную подать въ слѣдующемъ же (1862) году послѣ освобожденія крестьянъ, а затѣмъ были повышены и всѣ прочіе налоги съ крестьянъ.

Такимъ путемъ крестьяне сразу попали изъ одной кабалы въ другую: освобожденные отъ крѣпостной зависимости отъ

---

[1]) Въ счетъ надѣла входила также и усадебная земля, такъ что и ее приходилось крестьянамъ выкупать.

помѣщиковъ, крестьяне очутились въ крѣпостной зависимости отъ чиновниковъ. Не сразу поняли это, но зато сразу увидѣли они, что съ волею дѣло что-то не ладно, и заволновались.

III.

Года за три до отмѣны крѣпостного права народъ въ каждомъ необычномъ проѣзжающемъ видѣлъ вѣстника воли. Разсказы велись на всѣ лады: то царь посылаетъ волю въ бочкахъ съ рыбой, въ засмоленныхъ ящикахъ, но господа успѣваютъ пронюхать и выкрасть; то царь пробовалъ и черезъ своихъ вѣрныхъ людей тайно переслать народу волю, но господа людей задерживали, обыскивали, волю отбирали, а людей морили въ острогахъ. Благодаря этимъ слухамъ объ украденной помѣщиками воли, крестьяне во многихъ имѣніяхъ отказывались ходить на барщину; въ другихъ имѣніяхъ сами помѣщики и управляющіе не нарядали крестьянъ на работу, опасаясь бунта.

Но вотъ, наконецъ, манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостного права былъ подписанъ царемъ и объявленъ народу въ церквахъ. Многаго крестьяне не поняли, такъ какъ манифестъ былъ написанъ мудрено; да и священники не растолковывали его, а гдѣ и растолковывали, тамъ крестьяне имъ не очень довѣрялн. [1]) Бывало и такъ, что крестьяне обращались къ начальству съ просьбой разъяснить имъ непонятное, но и здѣсь получали мало утѣшенія. Вотъ, напримѣръ, пришла разъ толпа въ городъ Боровичи Новгородской губерніи просить исправника разъяснить имъ темныя мѣста въ манифестѣ. Исправникъ объяснилъ по своему: окружилъ пришедшихъ отрядомъ солдатъ и переп ролъ всѣхъ, а потомъ крикнулъ: «ну, что поняли?» «Поняли, ваше сіятельство!» уныло отвѣтили мужики. «Маршъ, по деревнямъ», скомандовалъ исправникъ и выругалъ крестьянъ крѣпкой бранью.

Не любило начальство, когда крестьяне и сами старались доискаться смысла въ манифестѣ. Случилось, напримѣръ, въ

[1]) Случилось въ селѣ Тепломъ Тульской губерніи, что діаконъ, читая манифестъ, прибавилъ отъ себя: „слышите ли, православные, оставаться въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ два года“. Вечеромъ же собрался сходъ и крестьяне постановили не давать діакону муки на просфору, а попу и дьячку давать по прежнему.

одномъ имѣніи Херсонской губерніи, что крестьяне собрались читать «Положеніе 19 февраля», т.-е. книгу, въ которой говорилось объ отмѣнѣ крѣпостного права. Когда объ этомъ узналъ управляющій, онъ рѣшилъ, что крестьяне начинаютъ бунтовать, и послалъ за исправникомъ. На другой день прискакалъ исправникъ и, хотя крестьяне спокойно работали на барщинѣ, потребовалъ изъ сосѣднихъ деревень нарядъ въ 300 человѣкъ, высѣкъ всѣхъ, читавшихъ манифестъ, а семерыхъ предалъ суду; при этомъ одного только за то, что онъ у себя дома читалъ царскій манифестъ.

Много темный народъ, конечно, не понялъ сразу въ манифестѣ: вѣдь волю сочиняли помѣщики да чиновники тайкомъ отъ народа. Но крестьяне все-таки поняли, что не полную, не настоящую волю дали имъ.

Въ манифестѣ говорилось, что еще 2 года крестьяне должны по прежнему повиноваться помѣщикамъ. Вотъ это-то прежде всего и опечалило крестьянъ, все время только и думавшихъ о полной волѣ, о прекращеніи всякихъ работъ и повинностей на господъ. Одинъ сельскій конторщикъ, вспоминая то время, писалъ между прочимъ такъ: «манифесту никто не обрадовался. Отъ крестьянъ ни слова, ни звука радости. Народъ понялъ одно: оставаться, дескать, 2 года крѣпостными, да и шабашъ,—а льготъ никакихъ нѣтъ».

Недовольные полученной волей, крестьяне многихъ деревень стали требовать *полную* волю, отказываясь платить оброкъ [1]). Для приведенія крестьянъ въ повиновеніе начальство присылало солдатъ, которые располагались по деревнямъ на постой. Впрочемъ, не всегда дѣло обходилось мирно. Власти обыкновенно арестовывали зачинщиковъ, сѣкли всѣхъ остальныхъ крестьянъ, а потомъ уже ставили на нѣсколько мѣсяцевъ въ крестьянскія избы солдатъ на постой [2]). Осо-

---

[1]) Многіе крестьяне опасались быть закрѣпощенными помѣщику на вѣки, если пойдутъ работать на него хотя бы одинъ часъ. Никакихъ безпорядковъ при этомъ крестьяне не производили и продолжали исправно отбывать земскія повинности, но отъ исполненія издѣльной повинности на помѣщика упорно отказывались.

[2]) Въ губерніяхъ: Казанской, Калужской, Орловской, Оренбургской, Пензенской, Подольской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской и др. многія сотни деревень отказывались исполнять всякую работу на помѣщиковъ. Въ каждой деревнѣ тамъ были поставлены солдаты.

менно крупныя волненія были въ Пензенской и Казанской губерніяхъ.

Въ Пензенской губерніи волненія возникли сначала въ имѣніяхъ Данилевскаго и Дубенскаго въ Городищенскомъ уѣздѣ. Крестьяне этихъ имѣній отказались работать на помѣщиковъ, смѣнили сотскаго и выбрали новаго, и стали требовать полную волю. Затѣмъ движеніе быстро распространилось по окрестнымъ деревнямъ и перешло въ Чембарскій уѣздъ. Въ селѣ Черногай 3.000 крестьянъ напали на роту солдатъ съ вилами, косами и кольями и прогнали ихъ, хотя сами потеряли 3 хъ человѣкъ убитыми и 4-хъ ранеными. Послѣ этого движеніе стало расти еще больше, охватывая все новыя и новыя деревни.

Во главѣ движенія стоялъ священникъ Ѳедоръ Поморцевъ, а также крѣпостные крестьяне Василій Горячевъ и Леонтій Егорцевъ.

Священникъ Поморцевъ убѣждалъ крестьянъ не ходить на барщину, говоря, что барщину надо не *отбывать*, а *отбивать*. Василій Горячевъ ѣздилъ на тройкѣ по деревнямъ и возилъ на длинномъ шестѣ красное знамя (знамя воли, какъ онъ говорилъ) и возвѣщалъ народу *чистую волю*. Но особенно опаснымъ начальство считало Леонтія Егорцева. Слава его среди народа была такъ велика, что изъ разныхъ деревень присылали за нимъ тройки. Когда онъ пріѣзжалъ, его становили на скамейку и оттуда онъ говорилъ изстрадавшемуся и натерпѣвшемуся отъ помѣщиковъ народу, что крестьяне должны сами взять полную волю и не работать на помѣщиковъ.

Несмотря на то, что было прислано много солдатъ, крестьянскіе бунты въ Пензенской губерніи все не прекращались. Въ Чембарскомъ уѣздѣ крестьяне арестовали исправника и заковали его въ кандалы; многихъ помѣщиковъ и управляющихъ заставили бѣжать изъ имѣній.

Увидѣло тогда правительство, что плохо приходится помѣщикамъ, и прислало усмирить крестьянъ генерала Дренякина съ 7 ротами солдатъ. Когда генералъ прибылъ въ село Кандеевку, гдѣ собралось множество крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, сталъ онъ убѣждать народъ подчиниться и выйти на барщину, но крестьяне и слышать объ этомъ не хотѣли. «Земля вся наша!» говорили они: на оброкъ не хотимъ и работать на помѣщика не станемъ, хоть всѣхъ насъ

перевѣшай». Тогда генералъ приказалъ дать по толпѣ нѣсколько залповъ, при этомъ оказалось 11 человѣкъ убитыми и 31 ранеными. Нечего дѣлать: пришлось крестьянамъ смириться й стать на барщину. Многихъ изъ нихъ судили потомъ и жестоко наказали: 28 человѣкъ на каторгу сослали, 80—въ Сибирь на вѣчное поселеніе; а сколько было наказано розгами да посажено въ тюрьмы, нечего и говорить. Священника Ѳедора Поморцева сослали въ Соловецкій монастырь; а Егорцевъ и Горячевъ успѣли бѣжать въ Моршанскій уѣздъ Тамбовской губерніи и тамъ продолжали призывать народъ къ борьбѣ за полную волю.

Еще болѣе жестоко, чѣмъ въ Пензенской губерніи, расправилось начальство съ крестьянами въ Казанской губерніи. Туда былъ посланъ усмирять графъ Апраксинъ съ нѣсколькими ротами солдатъ. Онъ двинулся прежде всего въ село Бездну Спасскаго уѣзда. Здѣсь собрались крестьяне не только изъ окрестныхъ деревень, но даже изъ сосѣднихъ уѣздовъ, чтобы послушать Антона Петрова, призывавшаго народъ не повиноваться помѣщикамъ и не отбывать барщину. Антонъ Петровъ говорилъ также, что вся земля должна принадлежать крестьянамъ. Вотъ это-то и не нравилось помѣщикамъ и начальству. Несмотря на то, что крестьяне не оказали сопротивленія, генералъ Апраксинъ велѣлъ дать по шести тысячной толпѣ нѣсколько залповъ, которыми оказалось убито 55 и ранено 71 человѣкъ. Антонъ Петровъ былъ схваченъ и на глазахъ у крестьянъ разстрѣлянъ.

Мы сказали, что многіе крестьяне отказывались работать на помѣщиковъ въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ это полагалось по манифесту, и требовали полную волю.

Въ другихъ мѣстахъ требованія крестьянъ были меньше и они соглашались платить помѣщику оброкъ, но не хотѣли ни за что ходить на барщину,—такъ она имъ опостылѣла. Во многихъ деревняхъ Петербургской губерніи, напримѣръ, крестьяне объявили, что будутъ платить оброка по 30 рублей съ каждаго двора, а ни на какія работы не пойдутъ. При этомъ они порѣшили на сходахъ такъ: если кто заплатитъ оброка больше 30 рублей, того своимъ судомъ наказать, давъ ему 300 розогъ.

Не соглашались отбывать барщину и многія деревни Ярославской, Калужской и Владимірской губерній, требуя перевода на уменьшенный оброкъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ на-

чальство точно также посылало отряды солдатъ наказывать непокорныхъ. Солдаты чинили судъ и расправу, нѣкоторыхъ крестьянъ арестовывали и сажали въ тюрьмы, многихъ сѣкли и, въ концѣ концовъ, располагались на нѣсколько мѣсяцевъ постоемъ въ непокорныхъ деревняхъ.

Послѣ освобожденія крестьянъ правительство назначило всюду мировыхъ посредниковъ, которымъ поручило, во-первыхъ, учреждать волостныя правленія [1]); во-вторыхъ, разбирать споры крестьянъ съ помѣщиками и, въ-третьихъ, вводить уставныя грамоты, т.-е. заключать между помѣщикомъ и крестьянами письменный договоръ о томъ, сколько крестьяне должны платить помѣщику оброка и сколько помѣщикъ долженъ отвести имъ земли.

Вотъ это-то заключеніе договоровъ и сопровождалось во многихъ мѣстахъ большими крестьянскими волненіями. Крестьяне не хотѣли составлять условій, такъ какъ все ожидали, что получатъ еще новыя милости. «Не можетъ быть,—думали они—чтобы дали намъ такую волю. Навѣрное помѣщики скрыли настоящую волю, и вотъ вотъ пріѣдетъ посолъ и объявитъ народу полную волю». Дѣйствительно, посланники пріѣзжали, но не для того, чтобы объявлять крестьянамъ полную волю, а для того, чтобы усмирять непокорныхъ, отказывающихся повиноваться помѣщикамъ и не желающихъ принимать уставныхъ грамотъ.

Волненія крестьянъ, не желавшихъ принимать уставныхъ грамотъ, были очень многочисленны [2]) и всюду они происходили одинаково: прежде всего крестьяне отказывались выбирать уполномоченныхъ для составленія протоколовъ; если же ихъ заставляли силой выбрать уполномоченныхъ, то эти уполномоченные отказывались подписывать договоры (уставныя грамоты), а крестьяне отказывались принимать копіи съ этихъ договоровъ.

---

[1]) До освобожденія крестьянъ вся власть надъ крѣпостными находилась въ рукахъ помѣщика. Послѣ 19 февраля 1861 года и до учрежденія волостныхъ правленій (они были введены не сразу, а черезъ 1–2 года) помѣщикъ сохранялъ право судить крестьянъ, но подвергать ихъ тѣлесному наказанію онъ могъ уже только черезъ полицію. Съ устройствомъ волостныхъ правленій помѣщикъ лишался совсѣмъ права судить крестьянъ, назначать бурмистровъ и другихъ сельскихъ властей.

[2]) Особенно много ихъ было въ губерніяхъ: Воронежской, Екатеринославской, Казанской, Кіевской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Рязанской, Саратовской и Симбирской.

Итакъ, мы видимъ, что не радостно встрѣтилъ народъ царскій манифестъ о волѣ. Надежды крестьянъ на полученіе полной воли не сбылись; два года они должны были еще оставаться крѣпостными и отбывать на помѣщика всѣ тяжелыя работы.

Не получили крестьяне и землю, которой завладѣли помѣщики. Только небольшіе надѣлы, да и то за огромный выкупъ, помѣщики согласились уступить крестьянамъ.

Не о такой волѣ мечталъ народъ, не за такую свободу боролись всегда крѣпостные крестьяне, начиная Степаномъ Разинымъ, Пугачевымъ и кончая тысячами тѣхъ, которые засѣкались и ссылались помѣщиками въ Сибирь за неповиновеніе барскому произволу. Не легко досталась воля. Изъ одной кабалы—помѣщичьей, они сразу попали въ другую, въ кабалу къ исправникамъ, къ земскимъ начальникамъ и прочимъ властямъ.

IV.

Мы уже говорили, что при выходѣ на волю крестьяне получили только часть той земли, которой они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Съ теченіемъ времени народу становилось больше, а количество земли у крестьянъ почти не увеличивалось; поэтому надѣлы все мельчали и мельчали. Еще въ 1861 году на каждую ревизскую душу приходилось 4,8 десятины; въ 1880 году—уже только 3,5 десятины, а въ 1900 году всего лишь 2,6 [1]). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ надѣлы гораздо мельче и доходятъ порой до $1^1/_2$ и даже до $^1/_5$ десятины на душу (въ Полтавской, Кіевской, Симбирской, Подольской и въ другихъ губерніяхъ).

Одной надѣльной земли крестьянамъ никогда не хватало, она никогда не могла ихъ прокормить. Теперь же, когда надѣлы сильно измельчали, и думать не приходится о томъ, чтобы прожить съ надѣльной земли. Въ самомъ дѣлѣ, на каждаго человѣка нужно по крайней мѣрѣ 20 пудовъ хлѣба

[1]) Столько приходится на душу надѣльной земли. Но у крестьянъ есть немного и купчей земли. Въ 1883 году былъ открытъ Крестьянскій Земельный Банкъ, съ помощью котораго крестьяне пріобрѣли за все время около $5^1/_4$ милліоновъ десятинъ. Вмѣстѣ съ 109 милліонами надѣльной земли это составитъ около $114^1/_4$ мил. десятинъ, или на каждую душу около 3 десятинъ. Но дѣло въ томъ, что землю черезъ банкъ купили больше богатые мужики, а у бѣдныхъ по прежнему остается земли мало.

въ годъ, а между тѣмъ даже въ урожайный годъ крестьяне выручаютъ съ своихъ надѣловъ по стольку пудовъ на душу:

въ губерніяхъ:		въ губерніяхъ:	
1. Сѣверныхъ . . .	9 п. 28 ф.	7. Средне-Волж. . .	15 п. 32 ф
2. Сѣверо-Восточ. .	15 „ 36 „	8. Балтійскихъ . .	15 „ 20 „
3. Сѣверо-Запад. . .	12 „ 16 „	9. Центральныхъ	17 „ 28 „
4. Средне-промышл.	10 „ 32 „	10. Юго-Восточныхъ	24 „ 12 „
5. Юго-Западныхъ .	13 „ 28 „	11. Восточныхъ	25 „ 12 „
6. Малороссійскихъ	13 „ 20 „	12. Новороссійскихъ	37 „ 28 „

Такимъ образомъ, лишь крестьяне юга, востока и юго-востока (всего семи губерній) обезпечены хлѣбомъ со своихъ надѣловъ.

Земля, какъ мы уже говорили, не досталась крестьянамъ даромъ. Каждый клочекъ ея приходилось выкупать у помѣщиковъ по дорогой цѣнѣ. Когда отпускали крестьянъ на волю, десятина земли стоила въ среднемъ по 20 рублей, а помѣщики потребовали за нее выкупа 27 рублей. Правительство дало имъ эти деньги, а само стало взыскивать съ крестьянъ въ казну и взыскало съ тѣхъ поръ столько, что крестьянамъ каждая десятина стала теперь уже въ 50 рублей.

Выкупные платежи были всегда для крестьянъ самыми тяжелыми. Кромѣ нихъ, народу приходится платить еще много другихъ налоговъ *съ земли* (казенные, мірскіе и земскіе сборы) и *съ построекъ* (страховая подать). Такіе налоги называются прямыми.

Еще болѣе, чѣмъ прямыхъ, крестьянамъ приходится платить такъ называемыхъ косвенныхъ налоговъ, въ видѣ акциза на табакъ, на спички, на керосинъ, на чай; переплачивать въ казну, покупая ситецъ, желѣзо,—словомъ всякіе предметы повседневнаго обихода. Если подсчитать всѣ сборы, то окажется, что крестьяне платятъ въ казну почти все, что получаютъ съ земли и что зарабатываютъ на сторонѣ. Такъ, напримѣръ, въ Московской губерніи каждый крестьянскій дворъ платитъ всего податей около 22 р. 50 коп., да косвенныхъ налоговъ около 45 рублей [1]). Итого, слѣдовательно,

[1]) Въ томъ числѣ крестьяне платятъ въ казну (сверхъ стоимости товара):

за водку	— 21 руб.	на керосинѣ	— 1 руб. 50 к.
„ сахаръ	— 7 „	„ спичкахъ	— — 21 „
„ чай	— 10 „ 40 коп.	„ табакѣ	— — 30 „
„ ситецъ	— 3 „ 80 „	Итого около	44 р. 21 к.

Кромѣ того мн го приходится платить въ казну лишняго за желѣзо и другіе товары.

всякихъ налоговъ съ каждаго двора берется около 70 рублей ежегодно; на всѣ же прочіе расходы семьи остается всего на всего около 150 рублей.

Еще хуже живется крестьянамъ тамъ, гдѣ трудно заработать на сторонѣ. Напримѣръ, въ Орловской губерніи всѣхъ налоговъ (прямыхъ и косвенныхъ) приходится на крестьянскій дворъ около 40 рублей въ годъ. За вычетомъ налоговъ и расходовъ по хозяйству, надѣльная земля даетъ тамъ крестьянину около 8 рублей на дворъ. Понятно, что на такія деньги не проживешь; приходится поэтому итти въ кабалу къ помѣщикамъ и по дорогой цѣнѣ арендовать у нихъ землю.

Такъ же приблизительно обстоитъ дѣло и въ прочихъ губерніяхъ: всюду крестьянамъ не хватаетъ надѣльной земли и всюду имъ приходится платить огромныя подати и налоги, живя постоянно впроголодь. Переставъ быть крѣпостными помѣщика, крестьяне обратились въ крѣпостныхъ правительства и жить имъ легче не стало отъ этого.

Отдавая почти все на уплату податей и живя впроголодь, крестьянинъ не можетъ, конечно, держать въ исправности свое хозяйство. А потому земля его, плохо обрабатываемая, начинаетъ родить хлѣбъ все хуже и хуже; неурожаи становятся, обычнымъ дѣломъ, и крестьянинъ окончательно разоряется.

Теперь крестьянская бѣднота знаетъ, какова воля, данная помѣщиками. При крѣпостномъ правѣ помѣщикъ былъ обязанъ, по крайней мѣрѣ, платить за крестьянъ подати въ казну и кормить голодныхъ въ неурожайные годы. О томъ и другомъ крестьянамъ приходится теперь заботиться самимъ. Правда, правительство и земство даютъ ссуды на продовольствіе изъ продовольственнаго капитала, но вѣдь капиталъ этотъ составился изъ крестьянскихъ же взносовъ.

Словомъ, обо всемъ крестьянамъ нужно подумать самимъ; съ нихъ только беретъ всякій, кто можетъ: беретъ казна, берутъ помѣщики, сдавая по дорогой цѣнѣ землю въ аренду. Одной арендной платы крестьяне платятъ помѣщикамъ около 350 милліоновъ рублей, не считая тѣхъ сотенъ милліоновъ, которые они платятъ въ казну.

Но, можетъ быть, намъ скажутъ такъ: пусть крестьянамъ стало труднѣе жить съ отмѣной крѣпостного права, но зато они вольны теперь, какъ птицы.

Хорошо если было бы хоть такъ, но на дѣлѣ и этого нѣтъ. Едва крестьянинъ вышелъ изъ крѣпостной зависимости, какъ его опутали густой сѣтью всякаго начальства, начиная отъ старшины, урядника и земскаго начальника. Безъ этого начальства крестьянинъ не можетъ ступить шагу.

Какъ при крѣпостномъ правѣ, такъ и теперь крестьяне не вольны вѣдать мірскія дѣла черезъ своихъ лучшихъ выборныхъ людей. Тогда бурмистровъ (старостъ), сотскихъ и прочее сельское начальство назначалъ помѣщикъ, а теперь ихъ назначаетъ земскій начальникъ; хотя крестьяне для виду и выбираютъ старшинъ да старостъ, но отъ земскаго начальника зависитъ въ итогѣ назначеніе на эти должности. Даже въ земство крестьяне не могутъ свободно выбрать своихъ представителей—гласныхъ. На это тоже требуется согласіе земскаго начальника и губернатора.

Помѣщикъ имѣлъ право всячески наказывать своихъ крѣпостныхъ: онъ могъ сѣчь ихъ, могъ сажать подъ арестъ и даже ссылать въ Сибирь. Земскій начальникъ не можетъ, конечно, ссылать крестьянъ въ Сибирь, но за то онъ можетъ ихъ по своему усмотрѣнію сѣчь, сажать подъ арестъ, штрафовать [1]).

Вся жизнь крестьянина опутана произволомъ земскаго начальника. Безъ согласія его, какъ прежде безъ согласія помѣщика, крестьяне не могутъ передѣлить землю на новыя души, не могутъ произвести семейнаго раздѣла, не могутъ даже построить избу. Отъ земскаго начальника зависитъ теперь также взысканіе податей. Захочетъ земскій начальникъ и крестьянину разсрочатъ недоимку, а то даже и всю скинутъ; не пожелаетъ онъ этого, и крестьянинъ долженъ разориться, чтобы уплатить недоимку. Случись у крестьянина нужда, напримѣръ, неурожай,—и опять безъ разрѣшенія начальства онъ не можетъ получить ни откуда помощи, не можетъ даже взять своего хлѣба изъ сельскаго магазина.

И такъ отъ начала до конца. Весь судъ и расправа находятся теперь въ рукахъ земскаго начальника, какъ прежде находились въ рукахъ помѣщика.

Но, положимъ, крестьянинъ задумалъ уйти изъ деревни, чтобы избавиться отъ гнета земскаго начальника. И это ему

[1]) Согласно манифесту 11 августа 1904 года крестьянъ нельзя уже наказывать розгами, вообще нельзя бить. А между тѣмъ, крестьянъ продолжаютъ сѣчь полицейскіе да земскіе начальники.

не такъ-то легко сдѣлать. Чтобы переселиться въ другую губернію, крестьянинъ долженъ заручиться согласіемъ земскаго начальника. Конечно, многіе, несмотря на это, переселяются самовольно, но вѣдь и при крѣпостномъ правѣ крестьяне постоянно убѣгали отъ своихъ господъ. За это они подвергались наказаніямъ и возвращались къ помѣщику. Точно также и теперь законъ предписываетъ возвращать самовольно переселившихся въ другія губерніи.

Даже, если крестьянинъ захочетъ переѣхать въ городъ или еще куда-нибудь на работу, онъ и это не можетъ сдѣлать противъ желанія земскаго начальника и волостного старшины—ставленника земскаго. Чтобы уйти изъ села, надо имѣть паспортъ, а вотъ его-то и могутъ не дать изъ волости.

Такимъ образомъ, со стороны свободы крестьянину живется теперь немногимъ лучше, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Слѣдовательно, ни настоящей воли, ни достаточно земли, чтобы жить не впроголодь, крестьяне не получили съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости; отъ налоговъ да всякихъ поборовъ крестьяне пришли въ разореніе, бѣдствуютъ и голодаютъ изъ года въ годъ. Поняли они теперь, какую волю дали имъ помѣщики и чиновники въ 1861 году и начали снова бунтовать, чтобы добиться настоящей воли. Всюду поднялись крестьяне и требуютъ себѣ полную волю и всю землю для народа.

V.

Мы знаемъ, какъ долго крестьяне не соглашались на ту волю, какую дали имъ въ 1861 году. Однако, въ концѣ концовъ сила взяла верхъ и крестьянамъ пришлось смириться; но въ душѣ они все-таки не переставали мечтать о лучшей волѣ и о томъ, чтобы взять у помѣщиковъ землю.

Хотя съ 1861 года и до недавняго времени большихъ крестьянскихъ бунтовъ не было, тѣмъ не менѣе въ деревнѣ не царили тишина и спокойствіе.

Какъ я уже сказалъ, помѣщики захватили себѣ почти всѣ лѣса и луга; поэтому крестьянамъ поневолѣ приходилось дѣлать *порубки* въ помѣщичьихъ и казенныхъ лѣсахъ. Порубщиковъ ловили, наказывали, но нужда опять заставляла ихъ итти рубить помѣщичьи лѣса.

Точно также обстояло дѣло съ лугами и выгонами. Крестьянамъ трудно было уберечься отъ *потравъ* на помѣщичьей

землѣ, которая плотно облегаетъ скудные крестьянскіе надѣлы. Помѣщики пользовались этой мужицкой нуждой и налагали за потравы большіе штрафы.

Были у крестьянъ столкновенія съ помѣщиками и другого рода,—это по *размежеванію земель*. Нерѣдко дѣло доходило до того, что вся деревня, вооруженная кольями и вилами, поднималась, чтобы помѣшать межевщикамъ производить работу. Тогда являлась полиція и наказывала непокорныхъ, а помѣщикъ тѣмъ временемъ успѣвалъ отмежеваться и отхватить у крестьянъ еще не мало земли.

Не съ одними только помѣщиками приходилось бороться крестьянамъ, но не менѣе того съ полиціей и съ разными чиновниками. Едва придетъ время *платить подати*, какъ наѣдутъ въ деревню урядники, становые и исправники отнимать у крестьянъ имущество для продажи за недоимки. Наберутъ что можно, продадутъ кулакамъ и ѣдутъ въ другую деревню. Тамъ повторяется то же самое. Нерѣдко случалось, что крестьяне прогоняли полицію и не давали ей продавать имущество. Тогда начальство присылало солдатъ и жестоко наказывало непокорныхъ. Нужда снова заставляла смириться и молча голодать.

Годъ отъ году крестьяне приходили все въ большее разореніе. Не успѣютъ оправиться отъ одного неурожая, какъ подходитъ другой. Особенно плохо пришлось крестьянской бѣднотѣ въ 1891—1892 г. г., когда сильный неурожай постигъ 16 самыхъ плодородныхъ губерній. Въ этотъ годъ было не рѣдкостью, что въ деревняхъ умирали съ голоду; а о томъ, что многіе оставались безъ хлѣба по нѣсколько дней и пухли отъ голода,—нечего уже и говорить.

Сильный неурожай затѣмъ повторился въ 1897 году, но еще большій въ 1905. Такого бѣдствія, какъ въ этомъ году, давно не видали крестьяне. Сорокъ лѣтъ хозяйничали помѣщики и чиновники послѣ того, какъ дали народу волю, и въ конецъ разорили крестьянъ. Съ бѣднаго крестьянина бралъ всякій, сколько могъ: брали съ него помѣщики, брали чиновники и попы, брали, наконецъ, свои же сосѣди-міроѣды.

Несмотря на свое разореніе, крестьяне, можетъ быть, еще долго бы молчали, если бы всюду въ городахъ не возсталъ народъ на борьбу за лучшую долю. Вѣсть объ этомъ долетѣла до глухихъ деревень и крестьяне заволновались,—начались такіе бунты, какихъ прежде не было.

О возстаніи въ 1905 году я скажу потомъ, а пока вернемся сначала къ 1902 году, такъ какъ съ этого времени крестьянскіе бунты становятся особенно сильными.

Болѣе крупныя волненія въ этомъ году возникли въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской и Саратовской.

Въ Полтавской губерніи крестьяне имѣютъ небольшіе надѣлы (десятины 1½ на душу), а податей приходится имъ платить много, какъ и вездѣ. Благодаря этому, крестьяне совсѣмъ разорились и стали терпѣть большую нужду, когда пришли два неурожайныхъ года (1900 и 1901) Проголодали они всю зиму, а къ веснѣ (въ половинѣ марта) рѣшили обратиться за помощью къ помѣщикамъ и попросить у нихъ хлѣба и корма для скота. Помѣщики, конечно, отказали въ просьбѣ. Тогда крестьяне рѣшили взять у нихъ силой и стали пріѣзжать цѣлыми деревнями развозить хлѣбъ. Всего въ Полтавской губерніи (преимущественно въ Константиноградскомъ и Полтавскомъ уѣздахъ) былъ развезенъ хлѣбъ изъ 54 усадебъ.

Немного позже (въ концѣ марта) возникли волненія въ Валкскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ Харьковской губерніи, гдѣ крестьянамъ жилось не лучше, чѣмъ въ Полтавской губерніи. Тамъ былъ развезенъ хлѣбъ изъ 27 имѣній и 2 усадьбы сожжены.

Крестьянъ, принимавшихъ участіе въ разграбленіи помѣщичьихъ амбаровъ, строго наказали, и долго населеніе Полтавской и Харьковской губерній не забудетъ, какъ казаки производили расправу, засѣкая голодныхъ. Но мало того, что крестьянамъ досталось отъ казаковъ; многіе изъ нихъ были наказаны, кромѣ того, по суду, а въ довершеніе всего должны были заплатить помѣщикамъ по приказанію царя 800.000 рублей.

Въ 1902 году крестьянскія волненія происходили и въ другихъ губерніяхъ. [1]) Въ 1903 и 1904 г. г. ихъ было меньше, но недовольство крестьянъ противъ помѣщиковъ не переставало расти, выражаясь иногда въ поджогахъ усадебъ, иногда въ порубкахъ лѣса и потравѣ луговъ цѣлымъ міромъ. Росло также недовольство противъ чиновниковъ. Неудачная война съ Японіей, разорившая народъ и отнявшая у него много молодыхъ силъ, подлила масло въ огонь. И вотъ уже съ начала 1905 года вспыхнули всюду крестьянскія волненія. Въ началѣ февраля

[1]) Въ Саратовской, Кіевской, Херсонской и Воронежской.

крестьянами были разобраны хлѣбные амбары во многихъ экономіяхъ Сѣвскаго и Глуховскаго уѣздовъ Черниговской губерніи, а также въ Дмитровскомъ уѣздѣ Курской губерніи. Другихъ построекъ, кромѣ амбаровъ, они обыкновенно не трогали, въ дома даже не заглядывали и никакихъ насилій не производили; были сожжены только три завода (два винокуренныхъ и одинъ сахарный) и три усадьбы.

Въ началѣ 1905 года происходили крестьянскія волненія и въ другихъ губерніяхъ. [1]) Побуждаемые нуждой, крестьяне и тамъ шли рубить лѣсъ, чтобы обогрѣться, достать хлѣба, чтобы поѣсть, достать сѣна, чтобы накормить скотину.

Когда наступила весна, крестьяне во многихъ мѣстахъ стали захватывать и *запахивать помѣщичью землю* [2]) Въ другихъ мѣстахъ они *отказывались снимать землю* по дорогой цѣнѣ [3]). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, крестьяне міромъ устанавливали, сколько помѣщики должны платить батракамъ и поденнымъ рабочимъ [4]).

Съ наступленіемъ лѣта волненія не только не прекратились, но еще болѣе усилились. Все чаще стали повторяться поджоги помѣщичьихъ усадебъ и разгромы хуторовъ. Такимъ путемъ крестьяне надѣялись легче захватить въ свои руки помѣщичью землю. «Какъ сожжемъ усадьбу, такъ помѣщикъ и уѣдетъ—говорили они,—а вернется онъ не скоро. Меньше какъ въ 1-2 года не отстроится. А покамѣстъ государственная дума соберется

---

[1]) Трубчевскомъ у. Орловской губ. (разгромлены 4 экономіи); въ суджанскомъ у. Курской губ.; въ Стародубскомъ и Новозыбковскомъ у. у. Черниговской губ.; въ Балашовскомъ и Царицынскомъ у. у. Саратовской губ ; въ Богородицкомъ и Епифанскомъ Тульской губ.; въ Нижнеломовскомъ у. Пензенской губ; въ Кирсановскомъ Тамбовской губ.; въ Бессарабской и Подольской губерніяхъ, и особенно сильныя въ Витебской губерніи.

[2]) Въ уѣздахъ: Коротоянскомъ, Днѣпровскомъ, Оргѣевскомъ, Бузулукскомъ, Сергачскомъ, Борисовскомъ, Кишиневскомъ и въ другихъ.

[3]) Въ губерніяхъ: Кіевской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Подольской, Самарской и Симбирской. крестьяне села Преображенскаго Самарскаго уѣзда постановили міромъ платить помѣщику за выгонъ вмѣсто 1 р. 80 к. и 2р. 40 к. 1 руб. за десятину. Въ Балахнинскомъ уѣздѣ крестьяне потребовали возстановленія прежнихъ, болѣе низкихъ арендныхъ цѣнъ.

[4]) Въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ. Особенно сильное движеніе было въ Проскуровскомъ уѣздѣ Подольской губерніи. Крестьяне цѣлыми деревнями ходили тамъ по помѣщикамъ и требовали, чтобы всѣ рабочіе присоединились къ нимъ

и передастъ намъ землю навѣки, по закону. Если же мы усадьбы не сожжемъ, помѣщикъ вернется и все будетъ по старому. Къ тому же и съ казаками бороться легче. Зачѣмъ имъ въ усадьбахъ на перинахъ спать и водку пить, пусть лучше поживутъ въ крестьянскихъ избахъ, поспятъ на соломѣ, да еще вмѣстѣ со скотиной! Это будетъ для нихъ не такъ ужъ вольготно.»

Когда пришла осень, дружно поднялись крестьяне (въ 2-3 мѣсяца бунты охватили 150 уѣздовъ, не считая Кавказа, Польши и Прибалтійскаго края) и стали требовать себѣ хлѣба, земли и свободы.

И на этотъ разъ крестьяне начинали, прежде всего, тѣмъ, что разбирали хлѣбные амбары, рубили помѣщичьи лѣса, угоняли скотъ, а въ заключеніе жгли усадьбы и постройки. Сотни дворянскихъ помѣстій разгромлено такимъ образомъ осенью и зимой 1905 года. [1]) Не мало разрушено также винокуренныхъ и сахарныхъ заводовъ и казенныхъ винныхъ лавокъ [2]).

Во главѣ крестьянъ, нападавшихъ на усадьбы, стояли обыкновенно вооруженныя дружины; дѣлежомъ хлѣба, скота и продуктовъ завѣдывали крестьянскіе комитеты.

Одновременно съ разгромомъ имѣній крестьяне многихъ деревень рѣшили передать съ весны помѣщичью землю міру въ уравнительное пользованіе, по душамъ. Объ этомъ нерѣдко составлялись даже общественные приговоры. Когда въ 1902 году бунтовали харьковскіе и полтавскіе крестьяне, они не дѣлали никому насилій; не насильничали также орловскіе, курскіе и черниговскіе крестьяне весной 1905 года. Но съ ними каждый разъ поступали сурово: сѣкли розгами, арестовывали и нерѣдко даже разстрѣливали. Въ 1902 году, напримѣръ, въ селѣ Ковалевкѣ, Полтавской губерніи, солдаты убили 3 и ранили 6 крестьянъ.

Пришлось крестьянамъ на насиліе отвѣчать насиліемъ. Въ осень и зиму 1905 года не мало побито въ деревняхъ полицейскихъ. Въ Сызранскомъ уѣздѣ, напримѣръ, крестьяне из-

---

[1]) Напримѣръ, въ Аткарскомъ уѣздѣ сожжено свыше 30 усадебъ; въ Балашовскомъ—34; въ Кирсановскомъ—около 25; въ Борисовскомъ около 50: въ Днѣпровскомъ около 30; въ Черниговскомъ около 25: въ Новооскольскомъ почти всѣ; въ Старооскольскомъ около 17 и т. далѣе.

[2]) Въ одной Саратовской губерніи винныхъ лавокъ уничтожено больше 45; въ Старооскольскомъ уѣздѣ Курской губерніи—15. и т.д.

били исправника и его помощника; въ селѣ Глобинѣ Кременчугскаго уѣзда разбили зданіе полиціи и арестовали урядника. Въ Царицынскомъ уѣздѣ прогнали полицію, мѣшавшую имъ рубить лѣсъ. Въ Минской и Ковенской губерніи крестьяне прогнали многихъ земскихъ начальниковъ и полицію и перестали давать подводы для войска. Въ Екатеринославскомъ уѣздѣ ссаживали полицейскихъ съ брички, а лошадей отправляли обратно на станціи.

Насолило крестьянамъ и волостное начальство, старшины и старосты, ставленники земскихъ начальниковъ. Пришлось теперь и имъ кое-гдѣ не хорошо. Въ Павлоградскомъ уѣздѣ, напримѣръ, петропавловскій сходъ лишилъ жалованья волостныхъ судей. Въ мѣстечкѣ Смельникѣ Кременчугскаго уѣзда крестьяне пытались разгромить волостное правленіе, но полиція помѣшала имъ. Въ Суджанскомъ уѣздѣ волостной сходъ въ с. Усланкѣ удалилъ, противъ воли начальства, волостного старшину и писаря, выбравъ на ихъ мѣста другихъ, безъ согласія земскаго. Такъже поступили крестьяне многихъ деревень Юрьевскаго уѣзда Костромской губерніи, Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи и др.

Наконецъ, во многихъ мѣстахъ крестьяне перестали платить подати, понявъ, что народныя денежки расходуются не такъ, какъ слѣдовало бы.

Плохо приходится крестьянамъ не только въ губерніяхъ коренной Россіи, но и въ другихъ мѣстахъ,—на Кавказѣ, въ Польшѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ.

На Кавказѣ, напримѣръ, надѣлы у крестьянъ еще меньшечѣмъ въ другихъ губерніяхъ Россіи. Поэтому крестьяне должны тамъ арендовать помѣщичью землю по дорогой цѣнѣ, отдавая зачастую половину урожая. Кромѣ того, еще многіе крестьяне на Кавказѣ до сихъ поръ платятъ помѣщикамъ оброки.

Не лучше живется народу и въ Прибалтійскомъ краѣ. Многіе крестьяне не имѣютъ тамъ вовсе земли, а живутъ только батрачествомъ и поденными работами.

Давно уже тамошніе крестьяне борятся за лучшую долю и требуютъ себѣ у помѣщиковъ сбавки арендныхъ цѣнъ за землю и повышенія платы рабочимъ. Но особенно сильно разгорѣлись бунты на Кавказѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ въ 1905 году.

Весной этого года многіе крестьяне на Кавказѣ (въ Гуріи) отказались платить помѣщикамъ высокую арендную плату за

землю, прогнали волостныхъ старшинъ и полицію и установили собственный судъ изъ своихъ выборныхъ людей. «Народу нужны три вещи,—заявили крестьяне тамошнему начальству,—хлѣбъ, правосудіе и свобода. Мы работаемъ, какъ волы, а умираемъ съ голоду; у насъ нѣтъ ни земли, ни воды. Все это мы вынуждены арендовать по дорогой цѣнѣ. Насъ бьютъ, не даютъ сказать слово. Правосудіе существуетъ только для дворянъ. Старшины продаютъ наше имущество, а деньги отдаютъ помѣщикамъ. У насъ нѣтъ ни выгона, ни лѣса; всѣ выгоны вокругъ насъ чужіе, и за потраву съ насъ берутъ огромные штрафы. Намъ не хватаетъ хлѣба и мы умираемъ съ голода. Необходимо сбавить арендную плату или вовсе отмѣнить. Налоги должны быть установлены по доходу, и если у крестьянъ хватаетъ только на прокормленіе, то нельзя съ нихъ брать податей. Жизнь стала труднѣе, людямъ нужно образованіе. Необходимо поэтому ввести всеобщее безплатное обученіе. Мы просимъ также права свободно сходиться и по совѣсти говорить о своихъ нуждахъ, а также и доводить до свѣдѣнія другихъ о нашихъ нуждахъ, т. е. намъ нужна свобода печати. Мы понимаемъ, что наши требованія могутъ быть удовлетворены только при участіи избранныхъ народомъ представителей. Пусть при выборѣ ихъ принимаютъ участіе мужчины и женщины, татаринъ и христіанинъ, армянинъ, грузинъ и другіе».

Въ 1905 году возстали также крестьяне Прибалтійскаго края и Польши. Они требуютъ прежде всего, чтобы казенныя и церковныя земли перешли въ пользованіе всѣхъ безземельныхъ; во-вторыхъ, чтобы крестьянамъ были возвращены всѣ тѣ земли, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ; въ-третьихъ, чтобы помѣщикамъ было запрещено много брать за землю, сдаваемую въ аренду, и чтобы запрещено имъ было платить рабочимъ мало жалованья.

Прибалтійскіе крестьяне, такъ же какъ и кавказскіе, отказываются повиноваться теперешнему начальству, а требуютъ, чтобы все начальство, начиная отъ министра и кончая урядникомъ, было выборнымъ отъ народа; а также, чтобы законы издавали выборные всего народа, а не чиновники, какъ теперь. Требуютъ они еще, чтобы было позволено всѣмъ сходиться свободно и обсуждать свои нужды, чтобы въ газетахъ и книгахъ можно было свободно писать о народныхъ нуждахъ.

На Кавказѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Польшѣ крестьяне дружно стоятъ одинъ за другого, а потому съ ними ничего не могутъ подѣлать, хотя и посылаютъ противъ нихъ много солдатъ. Крестьяне смѣняютъ тамъ волостныхъ старшинъ и старостъ, а на ихъ мѣсто выбираютъ своихъ людей; прогоняютъ полицію и отказываются платить подати. Тѣхъ помѣщиковъ, которые не сбавляютъ арендную плату, заставляютъ уѣзжать, а имѣнія ихъ берутъ въ свое управленіе.

Чтобы бороться было лучше, тамошніе крестьяне составляютъ сообщества (крестьянскіе союзы) и примыкаютъ къ соціалъ-демократической рабочей партіи, которая зоветъ всѣхъ угнетаемыхъ помѣщиками и капиталистами подъ свое красное знамя бороться за благо народа.

VI.

Мы видѣли, какъ крестьяне бунтовали при крѣпостномъ правѣ; знаемъ также, какъ они бунтуютъ теперь. При крѣпостномъ правѣ крестьяне не могли даже жаловаться на помѣщиковъ. Что оставалось имъ дѣлать, какъ не самимъ расправляться со своими угнетателями? Такъ они и поступали.

Когда отмѣнили крѣпостное право, народу не стало легче жить; чѣмъ дальше, тѣмъ больше крестьяне приходили въ разореніе отъ чиновниковъ да помѣщиковъ. Долго терпѣли они, но и ихъ терпѣнію пришелъ конецъ. Снова поднялись они, но поднялись уже не такъ, какъ прежде, когда на колѣняхъ, вымаливали милости у своихъ угнетателей. «Мы не вѣримъ, чтобы чиновники улучшили нашу жизнь, такъ какъ они всегда позаботятся прежде всего о своей личной жизни»,—такъ заявили черниговскіе крестьяне губернатору (лѣтомъ 1905 года), а за ними и многіе другіе. Стали по деревнямъ составлять приговоры и заявлять о своихъ нуждахъ; стали крестьяне требовать всюду, чтобы не было теперешняго произвола и насилій отъ чиновниковъ, чтобы начальство все было выборнымъ отъ народа и чтобы законы писались также выборными отъ всего народа. Поняли крестьяне, что только тогда, когда они добьются всего этого, законы будутъ справедливѣе и лучше для бѣдныхъ, а чиновники перестанутъ самоуправничать. Будутъ тогда всѣ равны въ правахъ и судъ будетъ для всѣхъ одинаковый; будутъ также брать больше податей съ богатыхъ, чѣмъ съ бѣдныхъ; а у кого только-только хватаетъ на

прокормленіе, того совсѣмъ освободятъ отъ податей. Будутъ тогда крестьянскія дѣти учиться въ такихъ же школахъ, въ какихъ учатся теперь богатые.

Все это поняли теперь крестьяне; поняли они также, что много еще надо бороться, чтобы завоевать себѣ лучшую жизнь. Но чтобы добиться этого, крестьяне должны дѣйствовать дружно и перестать зря жечь помѣщичьи постройки и амбары съ хлѣбомъ; все это создано трудомъ народа, а потому не должно уничтожаться. Прежде и городскіе рабочіе поступали такъ же, какъ поступаютъ теперь крестьяне: на машинахъ и на заводахъ срывали они свое зло, ломали и жгли ихъ. Но потомъ увидѣли, что житье ихъ отъ этого не становится лучше и что фабриканты по прежнему продолжаютъ угнетать бѣдный людъ. Увидѣли это рабочіе и стали уже бороться не съ машинами, а съ владѣльцами машинъ, фабрикантами и заводчиками. Для такой борьбы пришлось рабочимъ соединяться въ союзы, устраивать стачки и заставлять такимъ путемъ хозяевъ итти на уступки — повышать плату, сокращать время работы и т. д.

Со временемъ рабочіе возьмутъ у богатыхъ заводы и фабрики и обратятъ ихъ въ собственность всего народа. Не будетъ тогда бѣдныхъ, такъ какъ всѣ станутъ работать вмѣстѣ.

Къ тому же должны стремиться и крестьяне-бѣдняки; о деревенскихъ богатѣяхъ-міроѣдахъ нечего говорить: они не идутъ, да и не пойдутъ никогда защищать бѣднаго человѣка; они только и думаютъ, какъ бы самимъ выйти въ помѣщики и разбогатѣть на счетъ своего брата-крестьянина. Съ этими людьми у крестьянской бѣдноты не можетъ быть ничего общаго; лишь съ такимъ же бѣднымъ людомъ, городскими рабочими, крестьяне-бѣдняки должны итти рука объ руку, чтобы добиться лучшей жизни.

Чтобы успѣшнѣе бороться за свои нужды, крестьяне должны составлять братства (комитеты). Городскіе рабочіе, какъ я сказалъ, давно уже составляютъ такіе комитеты. Послѣднее время и крестьяне начинаютъ приходить все больше къ тому, что безъ такихъ союзовъ имъ ничего не подѣлать. И вотъ стали они повсюду устраивать съѣзды, чтобы обсуждать свои дѣла, и образовывать союзы.

Первый съѣздъ крестьяне устроили лѣтомъ 1905 года въ Москвѣ, а второй тамъ же зимой. На этихъ съѣздахъ было много выборныхъ крестьянъ со всей Россіи. Они порѣшили

устроить всюду мѣстные (волостные, уѣздные и губернскіе) союзы, а также чаще собираться на съѣзды толковать о своихъ общихъ дѣлахъ.

Для чего же крестьяне рѣшили устроить всюду свои союзы, чего они хотятъ добиваться? Они хотятъ прежде всего, чтобы арендная плата была ниже, чтобы помѣщики лучше платили за работу; чтобы не брали съ народа такъ много податей, какъ теперь; чтобы, наконецъ, малоземельнымъ крестьянамъ нарѣзали теперь столько земли, чтобы они перестали голодать.

Всего этого крестьяне могутъ добиться только тогда, когда законы будутъ издаваться выборными отъ всего народа, потому что лишь они будутъ знать народныя нужды и защищать ихъ... Вотъ, напримѣръ, если бы крѣпостное право отмѣнялось не чиновниками, а лучшими выборными людьми отъ всего народа, то не остались бы крестьяне безъ земли, не пришлось бы имъ платить выкупныхъ за доставшуюся отъ помѣщиковъ землю; не было бы также земскихъ и всякихъ другихъ начальниковъ, угнетающихъ бѣдный народъ.

Поздно, но все-таки поняли это многіе крестьяне. А когда поймутъ это всѣ, вся крестьянская бѣднота, сумѣютъ они тогда взять себѣ полную волю и совмѣстно съ рабочими будутъ добиваться того, чтобы и заводы, и фабрики, и земля принадлежали всему народу и чтобы всѣ сообща работали на общее благо и никто не жилъ бы праздно.

ВСЕСОЮЗНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Типографія товар. „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.